

И. М. ЭРЛИХСОН

СЮЖЕТ И АТРИБУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ
УТОПИИ В АНГЛИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
РАННЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ДАНИЭЛЬ ДЕФО, ДЖОЗЕФ БРАУН

В период Реставрации в Англии начался процесс законодательного оформления гражданских прав и свобод. Акт 1660 года «Об упразднении палаты по делам опеки и отчуждений» юридически закрепил право частной собственности, а принятый в 1679 г. Habeas Corpus Act заложил конституционные основы нового демократического правосудия. Но реставрированная монархия, вынужденная в силу объективных обстоятельств идти на политические, экономические и юридические компромиссы, в сфере идеологии занимала прежние, дореволюционные позиции. Д. Кеньон писал: «Развитие послереволюционной политической мысли подтвердило незыблемость теории божественного права и несопротивления, а также внутренний консерватизм нации и церкви, ...никто не осмелился посягнуть на правящий триумvirат монархии, аристократии и англиканской церкви»¹.

После Реставрации государственной религией снова стало англиканство, а пуританизм, который являлся идеологией буржуазии в период революции, продолжал существовать, но уже в виде находящегося вне закона сект: баптистов, квакеров, пресвитериан. Правительство Карла II проводило политику жестокого преследования пуритан. Так, в 1662 г. в нарушение Бредской декларации был введен Акт о церковном единообразии, а Актом «О тайных молельнях» 1665 года предусматривались суровые наказания за тайное отправление культа по пуританскому обряду и за отказ повиноваться установлениям англиканской церкви.

Провозглашение принципа свободы совести, хотя и в ограниченном варианте, стало достижением Славной революции. Соглас-

---

¹ *Kenyon J. P.* Revolution principles: The Politics of the party, 1689–1720. L., 1977. P. 200.

но Акту веротерпимости 1689 года, диссентеры, давшие обещание повиноваться королю, были освобождены от епископальной системы, им было предоставлено право совершения богослужений и формирования собственных общин. Закон предписывал диссентерам признавать символ веры господствующей церкви, платить все сборы в ее пользу и выполнять обязанности, установленные для бесплатных приходских должностей, самим или через заместителей. Подобного рода терпимостью пользовались только пресвитериане, индепенденты, баптисты и квакеры; на католиков принцип веротерпимости не распространялся вплоть до конца XVIII века.

По сути, провозглашенная веротерпимость создавала всего лишь иллюзию единства, что прекрасно осознавали как диссентеры, так и их противники — англиканское духовенство (представители высокой церкви) и правые тори. Для них протестантизм был живым напоминанием о революционных событиях, и после восшествия на престол в марте 1702 года королевы Анны они активизировали деятельность, направленную на возвращение англиканству статуса единственной религии. На протяжении 1702–1704 гг. они трижды пытались провести через парламент Билль против случайной (внешней) ортодоксальности (Occasional Conformity Bill), который в случае успеха окончательно лишил бы диссентеров возможности избираться в парламент, занимать государственные и общественные должности. Эти ограничения были прописаны еще в Акте веротерпимости, но диссентеры обходили их, принимая участие по англиканскому образцу за год до выборов, что заверялось специальным письмом викария. Эта широко распространенная практика, позволявшая диссентерам принимать участие в политической жизни страны, вызывала негодование не только у тори и высокоцерковников, но критиковалась самими диссентерами, справедливо называвшими ее формой вынужденного лицемерия.

К противникам «внешней ортодоксальности» относился и Даниэль Дефо, но, при этом он осознавал, что ее ликвидация обернулась бы еще большим злом. В 1702 г. был анонимно опубликован его памфлет «Кратчайший путь расправиться с диссентерами», построенный на популярном в XVII–XVIII вв. журналистском приеме: автор выступал от имени политических оппонентов, максимально утрируя их советы и рекомендации. Спустя три года в

печать вышел новый памфлет Дефо «Консолидэйтор (Consolidator)², или воспоминания человека, побывавшего на Луне» (1705), острая сатира на английскую действительность, изложенная с точки зрения человека, побывавшего на Луне. На этот раз публицист использовал прием, характерный для произведений утопического жанра — принцип экстерриториальности, доведя его до логического максимума и выведя повествование за пределы земного шара. Отгородившись от земной суеты и погрязшего в пороках человечества, Дефо свободно рассуждал о политике, экономике, дипломатии, философии и религии применительно к современной ему Англии. «Консолидэйтор» — это симбиоз острой социальной критики и фантазии автора, помноженный на его осведомленность (конечно, достаточно поверхностную) о новейших достижениях техники и естественнонаучной мысли. Последнее было неслучайным, так как в конце XVII – начале XVIII в. английские сатирики получили возможность черпать вдохновение в лабораториях Лондонского королевского общества, которое, следуя провозглашенному им принципу открытости и публичности, печатало регулярные отчеты о проведенных экспериментах.

Воображение Дефо сконструировало фантастическую машину, представляющую собой покоящееся на двух основаниях некое подобие колесницы: «...эти основания снабжены огромными крыльями шириной пятьдесят ярдов, собранными из плотно прилегающих друг к другу перьев; сами основания сделаны из жароустойчивой лунной почвы и заполнены жидким пламенем, позволяющим поддерживать крылья в постоянном движении»³. В XX в. «изобретение» Дефо назвали прообразом ракеты с двигателем внутреннего сгорания, но нельзя забывать, что техническая составляющая данного произведения носила прикладной характер и, образно говоря, служила кистью для создания сатирического полотна. Потому за лаконичным описанием летающего аппарата сле-

---

² Consolidator — слово, изобретенное Дефо. По-видимому, связано с термином «Объединительный билль» (Consolidation Bill). Объединительный билль представляется в парламент с целью объединения нескольких актов или статутов в единый законодательный билль.

³ Defoe D. The Consolidator or the memoirs of sundry transactions from the world in the Moon. Charleston, 2006. P. 23.

дует долгая «история перьев», которые, принадлежат птице, чье имя с лунного языка переводится как Collective: «...без всякого сомнения, это очень странная птица с бесчисленным количеством голов, лап, глаз, зубов, появляющаяся в годы революций и предвещающая стране несчастья и разрушения»⁴. По словам автора, эта «чудовищная» птица довольно часто теряет перья, и люди, которые находят их на принадлежащей им территории, «не мудрствуя лукаво», отправляют перья ко двору, где те обретают статус представителей («Representatives») и соединяются в два крыла чудесной машины Consolidator, способной «поднять простых людей, монархов, депутатов в облака и доставить их на Луну». Правда, как уверяет автор, условия полета зависят от двух факторов: во-первых, качества перьев, которые зачастую бывают слишком тонкими и оттого поддающимся малейшему порыву ветра, абсолютно пустыми и непригодными ни к чему, или чересчур взрывоопасными, так и норовящими унести машину в заоблачные дали; и, во-вторых, от силы ветров, один из которых дует в сторону двора (Court breeze), а другой — в сторону остальной страны (Country Gale). Таким образом, аппарат, придуманный Дефо, являлся не чем иным, как изображенным в аллегорической форме английским парламентом с палатой лордов (High flying feathers) и палатой общин (Negative feathers), согласованная деятельность которых должна обеспечить гармонию и стабильность в стране.

Надо отметить, что к подобному приему — использованию воображаемых аппаратов и приборов в качестве сатиры на политические, социальные, религиозные явления и процессы — Дефо прибегал довольно часто. Так, его герой с восхищением повествует об очках, обладающих уникальным свойством обострять зрение. Человек, вооруженный волшебными линзами, мог отчетливо увидеть прежде скрытые от глаз вещи: «...разоренные семьи, распропадающие имущество, ...около сорока тысяч сирот без еды, одежды и денег, ...политические партии, режущие друг другу глотки из-за религиозных разногласий, ...страны без королей, королей без подданных, ...армии, выбирающие правителей и называющие это свободой...»⁵.

---

⁴ Ibid. P. 26.

⁵ Ibid. P. 39.

Но особенно ярко сатирический талант Дефо проявился в описании «церковной машины», используемой в моменты, когда светские власти посягают на привилегии и прерогативы духовных лиц. Эта машина представляет собой водруженный на деревянный пьедестал полый сосуд восьмиугольной формы, отражающий и усиливающий звук, снабженный парой крыльев наподобие ветряной мельницы и приводимый в действие находящимся внутри священнослужителем. По свидетельству Дефо, эта машина «поднимает людей на вершины энтузиазма» и подвигает их на всякого рода безумства и излишества вследствие религиозного опьянения и душевной интоксикации.

Едва ли познания Дефо в области физики, механики и астрономии отличались глубиной и фундаментальностью, но даже будучи представленными на любительском уровне, они придавали повествованию необычный колорит, а критике — остроту и определенное изящество. Земной и лунный миры Дефо суть зеркальные отражения друг друга, и потому, по мере изложения событий из истории некоторых государств Луны Дефо распутывает клубок хитросплетений европейской политики. Так, фигурирующие в произведении страны Ebronia и Gallunaria — аналоги Испании и Франции, а враждующие религиозные группировки Scrolians и Solunarians — это диссентеры и представители англиканской церкви. В иносказательной форме перед читателем проходят революция и гражданская война, Реставрация, Исключительный кризис, восстание герцога Монмаута, Славная Революция, восшествие на престол королевы Анны. Но Дефо время от времени сбрасывал маску беспристрастного историка, разбавляя сухое повествование язвительными комментариями и едкими замечаниями в адрес тори и англиканского духовенства, которых он обвинял в неоднократном нарушении ими же проповедуемой доктрины «пассивной покорности». Его симпатии были пока еще полностью на стороне диссентеров, с которыми, по его словам в течение сорока лет после Реставрации правительство обращалось хуже, чем египтяне с иудеями, «...отбирая имущество, бросая в тюрьмы, иными словами, досажая им всеми возможными способами»⁶. Причины подобного

---

⁶ Ibid. P. 61.

обращения коренились в прошлом, ведь, именуя диссентеров «бунтовщиками, цареубийцами, врагами монархии, угрозой общественному спокойствию», правительство невольно отождествляло их с выходцами из протестантской среды, принимавшими активное участие в революционных событиях — индепендентами и левеллерами. Оппонируя, Дефо вполне резонно замечал, что и лица, которые в данный момент демонстрируют лояльность по отношению к монархии и англиканской церкви, едва ли могут ручаться за незапятнанную репутацию своих предков.

Высказывания Дефо носят завуалированный, аллегорический характер, а порой откровенно саркастичны. Он с нескрываемой иронией отзывается о «достоинейших авторах», много лет эксплуатировавших доктрину божественного происхождения власти и сумевших доказать, что «короли спустились с небес прямо с коронами на голове, а простые подданные — с седлами на спинах», и предупреждает, что когда-нибудь «власть имущим придется ответить за кровь Олджернона Сиднея»⁷. Он рассыпается в похвалах королеве Анне, называя ее «олицетворением благочестия, справедливости», объектом «истинной любви и поклонения своих подданных»⁸. Однако дальнейшее развитие сюжета сводит похвалы на нет, так как королева предстает неумной, заурядной женщиной, по слабости характера становящейся послушной игрушкой в руках враждующих политических группировок, что довольно точно соответствовало исторической действительности. В этом просматривается внешняя двойственность политической позиции Дефо, за которой его современники и более поздние исследователи его биографии видели примитивную меркантильность⁹. Однако приводимый ниже анализ ситуации, в которой находился Дефо в период написания памфлета, с учетом происходивших в Англии начала XVIII века политических перемен, делает подобные заключения не бесспорными.

⁷ Ibid. P.12.

⁸ Ibid. P.94.

⁹ Е. Б. Черняк писал: «Знаменитый романист в жизни, как и в литературе, был плоть от плоти своего класса — буржуазии эпохи «первоначального накопления капитала», считавшей, что все средства хороши, если они приносят достаточно крупные доходы». *Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны*. М., 1977. С. 190.

До определенного момента история Англии и ее лунного аналога идентичны, но вскоре Дефо вносит в нее существенные расхождения. Та часть обитателей Луны, которая представляла диссентеров, решила забыть о разногласиях, объединиться и облечь «свой гражданский интерес в конкретную форму». Дефо оговаривает, что было решено действовать с «мужеством в сердце и открытой душой», но провозглашенные принципы мало соответствовали выбранной стратегии, суть которой заключалась в экономическом бойкоте, объявленном диссентерами представителям всех без исключений религиозных конфессий. Все виды коммерческой деятельности, включая наем работников, продажу и покупку продовольственных и иных товаров, заключение сделок, фрахтование кораблей и пр., диссентеры с этого момента осуществляли только в своей замкнутой для иноверцев общности. Они разорили банки, изъав оттуда свои сбережения, и хитростью спровоцировав дефляцию, скупчили крупные торговые компании и предприятия, после чего, по свидетельству Дефо, «от души смеялись над глупостью одураченных ими людей»¹⁰. Результаты экономического бойкота не заставили себя долго ждать: «...в их храмы стали стекаться толпы людей — садовников, прядильщиков, ткачей, боящихся остаться без работы, и, таким образом, число их единомышленников резко выросло»¹¹. Дефо сетовал на то, что английские диссентеры, «ограниченные, узколюбые, недалёковидные люди» не могут последовать примеру своих лунных «коллег». На первый взгляд странно, что убежденный защитник принципа свободы совести, предлагал использовать экономические меры для воздействия на нравственно-духовную составляющую человеческого бытия, к которой, несомненно, относится религия. Скорее всего, он прекрасно осознавал всю сомнительность подобного маневра — заставить людей сменить религиозные убеждения, лишив их элементарных средств к существованию. И отсюда неубедительность его заверений, что «это пошло на пользу не только диссентерам, но и стране в целом, охладив накал межпартийной борьбы и принеся мир и гармонию»¹². Фактически в предложенной им ситуации диссентеры, допускающие экономическое насилие в

---

¹⁰ *Defoe D.* Op. cit. P. 116.

¹¹ *Ibid.* P. 114.

¹² *Ibid.* P. 124.

вопросах вероисповедания, ничем не отличаются от англикан. И по логике повествования оказывается, что зло не в тех или иных догматах веры, а в отсутствии свободы вероисповедания.

«Консолидэйтор» Дефо был опубликован 26 марта, а уже 21 апреля в журнале «Ревью» было помещено объявление о книге «Лунная корова, или размышления о консолидэйторе», принадлежащей перу некоего Джозефа Брауна. Этот памфлет, не отличаясь какими-то художественными достоинствами или глубокими и оригинальными идеями, неплохо иллюстрировал общественные настроения в данный период.

О самом Брауне известно немного. В 1695 г. он закончил колледж Иисуса в Кембридже, вел врачебную практику, редактировал журнал «Examiner», занимался активной публицистической деятельностью. Один из его трактатов, в котором он полемизировал с Гарвеем по вопросам кровообращения, был публично сожжен палачом, а за трактат «Советы деревенского священника» (1706) Брауна приговорили к выставлению у позорного столба и уплате солидного штрафа. На протяжении всей жизни Браун оставался последовательным тори, что определило его позицию по отношению к Дефо. И в «Лунной корове», и в последовавшем за ней памфлете «Диалог между церковью и государством» Дефо представлен душевнобольным безумцем, «в мозгах которого как головка заплесневелого сыра плавает полная луна»¹³. Браун писал, что Дефо совершил путешествие на Луну не с помощью летательного аппарата, а в бутылке пунша, который, «сместив центр тяжести, освободил часть его от телесной оболочки и отправил на Луну»¹⁴. Цель Брауна — представить якобы истинную картину жизни обитателей Луны и заклеить Дефо как клеветника. Рассматривая «Консолидэйтора» как апологию диссентеров, Браун столь же резко отзывался о памфлете «Кратчайший путь расправиться с диссентерами», называя его «злой выходкой», а умственные способности Дефо приравнивал к интеллектуальному уровню жвачного животного. «Лунная корова» — это

¹³ *Browne J.* A dialogue between Church and no Church // *Browne J.* State tracts containing many necessary observations and reflections on the state of our affairs at home and abroad. L., 1715. Vol. 1. P. 35.

¹⁴ *Browne J.* The moon-calf or accurate reflections on the consolidator. N. Y.: Augustan reprint, 1996. P. 11.

«титул», которым, по уверению Брауна, жители Луны наградили Дефо за полное отсутствие компетентности в вопросах политики, экономики, религии и философии, о которых он «имел наглость рассуждать с полным знанием дела»¹⁵.

Более всего Брауна возмущало то, что Дефо представил диссентеров, как трудолюбивых, добропорядочных и законопослушных граждан, терпеливо и мужественно сносивших правительственные репрессии и ограничения, такие как лишение права избираться в парламент, занимать государственные и общественные должности, поступать в университеты. Браун же выражал позицию Высокой церкви, считавшей диссентеров духовными последователями республиканцев, ответственных за казнь короля Карла I, а сам факт их существования — преступлением по отношению к памяти венценосного мученика. «...Он (Дефо), презрев истину, изображает их как необыкновенных людей, истово преданных религии. Осмелюсь довести до Вашего сведения, что они жалкие, думающие лишь о своих корыстных интересах лицемеры, поклоняющиеся мамоне», — от лица жителя Луны уверяет Браун¹⁶. Очевидно и отношение Брауна к предложенному Дефо плану экономического бойкота: «...в этом злодеянии они (диссентеры) открыли свое истинное лицо. Что же будет, если подобного рода людей допустить к власти? Ничего кроме разорительных войн и опустошения!» — с негодованием восклицает он¹⁷.

Ни Дефо, ни Браун в своих лунных историях не обошли актуальную в то время проблему безработицы, но и тут их позиции диаметрально противоположны. Дефо отмечал, что одна из целей торговли и промышленности заключалась в поглощении армии безработных, и задавал резонный вопрос: способствует ли механизация труда общественному благу? Сам Дефо считал, что внедрение станков должно сопровождаться государственным контролем над трудоустройством оставшихся без работы людей, и делал акцент на предприимчивость и активность каждого индивидуума. Браун же упрекал Дефо за недостаточно ревностное, по его мнению, отношение к техническому прогрессу, и высказывался в том

---

¹⁵ Ibid. P. 12.

¹⁶ Ibid. P. 13.

¹⁷ Ibid. P. 27.

духе, что главное — это выгода работодателя, а интересы работающих бедняков — это второстепенное дело. «Если станок выполняет работу двадцати человек, то это понижает заработную плату, что приносит торговцам значительную прибыль», — писал он, очевидно забыв, что несколькими страницами раньше упрекал диссентеров за излишнюю привязанность к «золотому тельцу»¹⁸.

В целом позиция Брауна отражала взгляды консервативно настроенной части английского общества. Исключение, как ни парадоксально, составил круг философских вопросов, посвященных категориям формы и материи, телесного и духовного. Если Дефо высмеивал религию, называя Библию «нелепой старой легендой», то в своем памфлете Браун пошел еще дальше, заявив, что «вера в возможность существования души вне телесной оболочки — это глупая выдумка, противоречащая логике и здравому смыслу»¹⁹. Подобные предположения, исходящие от убежденного последователя и апологета Высокой церкви, звучали странно, если не еретически.

Памфлеты Дефо и Брауна при всей их амбициозности не произвели того резонанса, на который рассчитывали авторы. Однако использование в них (в первую очередь, в «Консолидэйторе», поскольку Браун паразитировал на идеях Дефо, меняя не картину жизни на Луне, а угол зрения на нее) приемов, типичных для ставших популярными в XVII в. социальных утопий, требует более внимательного анализа причин, по которым Дефо обратился к литературному жанру утопии.

Первые годы XVII века стали переломными для Дефо. Будучи признанным трибуном народных масс и сторонником диссентеров, он с приходом к власти королевы Анны оказался в политической оппозиции. На фоне скандала вокруг антиправительственного памфлета «Кратчайший путь расправиться с диссентерами» возобновляется дело о невыплаченных Дефо долгах, по которому суд приговорил его к позорному столбу, крупному денежному штрафу и семи годам примерного поведения. Хотя публичная казнь стала скорее политическим триумфом Дефо, но из-за невозможности выплатить штраф он находился в тюрьме, а его семья осталась без средств к существованию. Спас публициста только компромисс:

---

¹⁸ Ibid. P. 15.

¹⁹ Ibid. P. 16.

Дефо принял предложение спикера парламента Роберта Харли, графа Оксфорда, об участии в тайной дипломатической деятельности правительства, а взамен последовали помилование, освобождение из тюрьмы и уплата штрафа из королевской казны. И в виде «бонуса» — солидная дотация государства газете «Ревью», которую Дефо начинает выпускать с 1704 г.

Возможно, все эти коллизии и побудили публициста обратиться к жанру утопии, перенеся повествование в иные, расположенные в космосе миры. Подобные произведения были довольно популярны в Европе XVII века. Это “*Somnium*” И. Кеплера (1634), «Человек на луне» Ф. Годвина (1638), «Рассуждение, касающееся новых миров» Дж. Уилкинса (1638), «Государства Луны» (1657) и «Государства Солнца» (1662) Сирано де Бержерака, «Рассуждение о множестве миров» Б. Фонтенеля (1686), «Император Луны» Афры Бен (1685)²⁰. Однако достижением Дефо стало не только эффективное использование традиционной утопической атрибутики (экстерриториальность, критика действительности, целостное описание социума и определенность авторской позиции), но и применение новых для того времени утопических приемов²¹. Это и более широкое использование различного рода «фантастических» приборов (летательный аппарат, церковная машина, «социальные» очки), и построение одной из первых антиутопических моделей — экономический бойкот диссентеров, повергший общество в нищету и несвободу. Вообще эпизод с описанием экономического бойкота требует более внимательного прочтения и исследования, поскольку он может быть одним из первых свидетельств об изменении политического мировоззрения Дефо, которое было отмечено А. А. Елистратовой в комментариях к опубликованному в 1708 г. стихотворному памфлету «Гимн к черни»²².

²⁰ *Nicolson M. Voyages to the Moon*. N.Y., 1948.

²¹ Положения современной теории утопии изложены в: *Кирвель Ч. С. Утопия как форма освоения социальной реальности*. Дисс... д. филос. н. Л., 1989; *Морщихина Л. А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований*. Дисс... к. филос. н. Архангельск, 2004.

²² *Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения*. М., 1966. С. 110-111.

Утопическая форма изложения сыграла свою роль — «лунная фантазия» Дефо содержала не менее крамольные пассажи по отношению к правительству и церкви, чем его ранние памфлеты, но ареста не последовало. Определенную роль сыграли и лояльность правительства к своему тайному «дипломатическому советнику», и, главное, отсутствие общественного резонанса — публика была оскорбительно равнодушна. Причина такой холодности, вероятно, состояла в перегруженности повествования пространными рассуждениями, запутанными отступлениями от темы, туманными намеками, нарочито алогичными выводами — сатирическая аллегория Дефо оказалась слишком сложной для восприятия массовой аудиторией. Некоторые исследователи объясняли эту нетипичную для Дефо манеру изложения влиянием «Сказки бочки» Джонатана Свифта. Но те приемы, которыми блистательно пользовался Свифт, сыграли злую шутку с Дефо, что позволило современным исследователям назвать это его творение «настоящей катастрофой»²³.

Однако перечисленные недостатки не лишали произведение Дефо присущих ему самобытности и оригинальности, в отличие от трактата Брауна. Последний попрекал Дефо излишне буйным воображением, в то время как сам едва ли мог похвастаться собственными способностями к созданию художественного вымысла. Пожалуй, единственное, в чем Браун проявил неординарный подход — так это в философских рассуждениях о природе материи, души и бытия. Но, как бы то ни было, литературная неудача Дефо обернулась неудачей и для Брауна в его попытке снискать популярность, воспользовавшись скандальной славой своего идеологического противника. Тем не менее, оба произведения являются яркими образцами английской сатиры начала XVIII века, одновременно характеризую и личности авторов, и политическую, экономическую, культурную атмосферу этой противоречивой эпохи.

---

²³ Forster E. M. Aspects of the novel. N. Y., 1956. P. 112.